

„Изборник“ 1076 года и „Измарагды“ — одного характера, но число общих статей в обоих сборниках незначительно, и сами статьи большей частью различной редакции. „Связь между обоими сборниками несомненна, — пишет В. А. Яковлев, — но от „Изборника“ до „Измарагда“ следует предполагать от XI по XIV век несколько переработок первого“.¹ Если это так, то значение „Изборника“ 1076 года для развития литературы и общественно-политической мысли древней Руси еще больше возрастает, поскольку „Изборник“ подвергался непрерывным переработкам в течение нескольких веков.

Ближайшим к „Изборнику“ 1076 года памятником русской общественной мысли является предисловие к Начальному своду, которое А. А. Шахматов датирует 1093—1095 годами.² Составленное в мрачные годы половецких нашествий и разорения основной массы населения, когда „люди смысленные“ жаловались алчному и ненасытному киевскому князю Святополку Изяславичу, что земля оскудела от „рати и продаж“, предисловие пытается дать ответ на основной вопрос, тревоживший все слои общества, на вопрос о том, где лежит причина постигших Русскую землю бедствий и неурядиц. Летописец видит эту причину в том, что современные ему князья отступили от политики, проводившейся первыми русскими князьями и их мужами. Новая политика началась еще при предшественнике Святополка, киевском князе Всеволоде Ярославиче, который на старости лет возлюбил „смысл уных“ и стал с ними, к негодованию своей „первой“, т. е. старшей дружины, творить совет. „И людем, — жалуется летописец, — не доходит княже правды, начаша ти унии грабити, людей продавати“, а старый князь, обремененный болезнями, об этом не знал.³

Этим новым порядкам автор предисловия Начального свода противопоставляет практику „древних князей“. Он вспоминает те времена, когда киевские князья покоряли чужие племена, жили с дружиной за счет собираемой с них дани, не обременяя своего населения поборами и повинностями. „Вас молю, стадо христово, — обращается он к своим читателям, — с любовью преклоните ушеса ваша разумно, како быша древнии князи и мужие их и како обарааху Русьския земля и иныя страны приимаху под ся. Ти бо князи не събирааху многа имения, ни творимыя вир, ни продажъ въскладааху на люди; нъ оже будяше правая вира, и ту възьма даяше дружине на оружие. А дружина его кормяхуся, воующе иныя страны и биующеся, а рькуще: братие! потянем по своем князи и по Русьской земли“.⁴

Далее автор говорит о достоинствах старой дружины, попутно разоблачая жадность, ненасытность, роскошный образ жизни новых правителей. При старых князьях мужи их „не жадааху, глаголюще: «мало ми есть, княже, дъву сът гривън». Они бо не въскладааху на своя жены златых обручь, нъ хождааху жены их в серебряных. И расплодили были землю Русьскую“.⁵ „Несытство“ современных автору предисловия властей привело к роковым для Русской земли последствиям: „За наше же несытство навел бог на ны поганья, а и

¹ В. А. Яковлев. К литературной истории древнерусских сборников. Одесса, 1893, стр. 30.

² А. А. Шахматов. Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись. Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук, т. XIII, кн. 1, СПб., 1908, стр. 218—226.

³ Повесть временных лет, т. 1, стр. 142.

⁴ А. А. Шахматов, ук. соч., стр. 265. Текст приведен в том виде, как его восстановил А. А. Шахматов.

⁵ Там же.